теля, данная автором. В творчестве Грозного он усматривает только выражение официально-московской «неуклюжести» в соединении с грубостью. Яркий «кусательный стиль» Грозного, его литературное новаторство, широкое использование им чисто разговорной интонации в литературных памятниках — все это осталось вне сферы внимания автора.

Стремление А. Стендер-Петерсена уложить русскую литературу XV—XVII вв. в прокрустово ложе схемы «византинизм—европеизм» приводит его к ряду сомнительных утверждений. Как мы уже знаем, виднейшим представителем «византинизма» в московской литературе автор считает Пахомия Логофета. В качестве одного из основных произведений Пахомия А. Стендер-Петерсен называет «Сказание о князьях владимирских» (181); это дает ему в дальнейшем основание говорить о влиянии Пахомия на «Историю о Казанском царстве» (196) и на творчество Ивана Грозного (211). Но мысль о принадлежности «Сказания о князьях владимирских» Пахомию есть даже не гипотеза, а догадка И. П. Жданова, ничем, в сущности, не мотивированная автором; И. П. Жданов указывал только, что «деятельность Пахомия продолжалась до 80-х и, может быть, даже до 90-х годов XV столетия» и что «хронологических затруднений для этой догадки о Пахомии нет».[2] Но А. Стендер-Петерсену известна работа о «Сказании о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой, вышедшая в свет в 1955 г.; работу эту он приводит в списке рекомендованной им литературы (450); а между тем в этой работе с несомненностью доказано, что в основе известного нам текста «Сказания о князьях владимирских» лежит «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Саввы, адресованное Василию III и написанное, следовательно, уже в XVI в.; «Сказание о князьях владимирских», таким образом, написано еще позже.[3] Для того чтобы столь решительно вновь приписывать «Сказание» Пахомию Логофету, А. Стендер-Петерсену следовало бы опровергнуть мнение своего предшественника и привести какую-то новую аргументацию.

Другим основанием для того, чтобы говорить о глубоком влиянии Пахомия на литературу «московского периода», служит для А. Стендер-Петерсена Хронограф. В редакции XV в. Хронограф не дошел до нас, но известным нам редакциям XVI в., как справедливо указал А. А. Шахматов, предшествовала какая-то более ранняя редакция XV в. Поскольку в языке Хронографа встречаются сербизмы, А. А. Шахматов высказал предположение (опять-таки только предположение!), не был ли составителем его Пахомий.[4] А. Стендер-Петерсену этого предположения оказалось достаточно для того, чтобы выводить от Пахомия всю историю русского летописания XVI в. (Воскресенская, Никоновская летописи, Лицевой свод), совершенно игнорируя летописные своды конца XV в. (прямо и непосредственно повлиявшие на летописи последующего столетия), а также хронографы и летописи XVII в. В его труде даже не упоминаются великокняжеские своды Ивана III, Симеоновская, Типографская, Софийская II и другие летописи конца XV—начала XVI в. А между тем отдельные повести, включенные в эти своды (например, повесть об Угре), представляют большой интерес как памятники литературы. Приводя известный рассказ о падении Пскова из Псковской I летописи, А. Стендер-Петерсен характеризует его просто как «антимосковский», направленный против Василия III (199). А между тем летописный свод, откуда взято приведен-

---

[2] И. Жданов. Русский былевой эпос, I—V. СПб., 1895, стр. 109—112.

[3] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 14—72.

[4] А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899.